

Достучаться

Анна ШЕЙХЕТ,

студентка факультета иностранных языков

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До припухших детских желез.
Приходи ты сюда и глотай поскорей
Рыбий жир петербургских ночных фонарей...

Вот строки, пришедшие на молодому литератору Евгению, только что вернувшемуся с очередной московской конференции. Покинув душной поезд и выйдя на платформу Московского вокзала, он вдохнул влажный, промозглый ночной воздух. Ему было нечего делать, некуда спешить, поэтому вместо того, чтобы сесть на такси, Евгений решил пройти до дома пешком, благо сумка его не была тяжелой.

По Невскому пройду булыжной мостовой,
Грохочет по камням далекая пролетка.
Куда же ты, убогая? Постой.
Не исчезай, прошу, за поворотом.

«Интересно, почему только теперь, когда я одинок, грустен и никому не нужен, я заметил: что за странный город!!! Ведь до боли знакомы Невский, Малая Садовая, Маяковского, Литейный.... А сейчас? А что сейчас? Дома, как подслеповатые, больные старики глядят на меня, небо черной массой давит, давит, грозит сравнять меня с мокрым асфальтом, Луна наблюдает все это величаво и ехидно посмеиваясь....

А сколько таких, как я, видела она на своем веку?» Он оглянулся по сторонам: никого, лишь за прозрачными освещенными витринами манекены, как мертвые, застыли с неммым испугом в глазах.

«Никого, один.... А может и к лучшему, а может, так и должно быть, а может.... А все может быть, ведь дело во мне. Я понял: он мне мстит, мстит за невнимание, неуважение, за то, что я считал его декорацией к жизни».

А между тем он уже дошел до Фонтанки, какая-то невидимая сила влекла его в Летний сад.

Меж гробницами внука и деда
Забудился взерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

«Голые ветви деревьев подобно скрюченным пальцам тянутся ко мне, норовят задуть, жуткие тени от фельетеновской решетки... Что это? Там шпиль Петропавловки свернул как последняя надежда на избавление, но погас; а еще говорят, что надежда умирает последней. У меня, ее уже давно нет».

Евгений и сам не заметил, как оказался на Исаакиевской площади. Он стоял и разглядывал причудливый собор, он ни о чем не мог думать, словно готовился к очень важной, судьбоносной встрече, которая произошла через несколько минут.

В этом мутном городе туманов,
В этой тусклой, безрассветной мгле,
Где строеня станом великанов
Разместились тесно по земле,
Попирая в гордости победной
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой...

Да, он остановился как вкопанный перед грандиозным монументом. Много неясных чувств и ощущений рождалось в душе Евгения: все нарастающий ужас, тревога, страх чего-то громадного и всеобъемлющего соседствовали в его душе с благоговейным любованием красотой, величием, совершенством архитектурных форм. А в памяти неизменно возникал образ его пушкинского тезки, который несколько веков назад, обезумев от отчаяния, также стоял перед Медным Всадником.

Он мрачен, стал пред горделивым истуканом.

И, зубы, стиснув, пальцы сжав,
Как обуюный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный—
Шеннул он, злобно задрожав,—
Ужо тебе!»

Я до небес

Вдруг все поплыло перед глазами Евгения, у него закружилась голова, в прохладной ночи стало жарко. Он решил спуститься вниз к Неве, присел на каменный спуск, но не сумел отделаться от неприятных ощущений.

И во всю ночь безумец бедный
 Куда стопы ни обращал,
 За ним повсюду Всадник Медный
 С тяжелым топотом скакал.

Очень тревожно стало на душе у Евгения, это чувство многократно усилилось после встречи со странным человеком. Возвращаясь домой вдоль по набережной, Евгений встретил мужчину лет тридцати с обезображенным лицом; он шел и бормотал нечто непонятное, а потом зло взглянул в красивое лицо Евгения.

«Дома, Господи, как хорошо здесь. Пусть мало места, душно и пыльно, но все же здесь я в безопасности». Долго еще он не мог заснуть, все вспоминая этот странный город, а потом провалился в глубокий сон.

Утро — начало дня, начало новой жизни. Как важно, чтобы день задался именно с утра. Проснувшись часов в десять, Евгений выглянул в окно и ахнул: ни следа вчерашней суровости, причрачности... сумрака. Ему даже показалось, что он внезапно оказался в другом городе, так как зрелище за окном не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел прошлой ночью. Быстро переодевшись и наскоро накинув куртку, он, перепрыгивая через ступени лестницы, выбежал на улицу.

Был один из немногих великолепных дней. На улице — ярко-голубое, высокое, манящее небо, яркое солнце и сверкающая синь невских вод. Евгений пересек Дворцовый мост, несколько раз останавливаясь. Он то пристально вглядывался в воду, то окидывал взглядом окрестности.

Глядел я, стоя над Невую,
 Как Исаака великана
 Светился купол золотой.

Ноги сами несли его на площадь Декабристов, но теперь он шел туда без всякого страха или тревоги. Ему просто хотелось увидеть, именно

увидеть, понять, проанализировать Петербург.

Вновь Исакий в облаченье
 Из литого серебра.
 Стынет в грозном нетерпенье
 Конь Великого Петра.

Этот архитектурный ансамбль, это воплощение совершенной, божественной красоты закружило Евгения, словно мощнейший ураган. И теперь, при свете Солнца, ему уже не было страшно, ему не казалось, что Медный Всадник еще чуть-чуть и грозно двинется на него. Скорее, он видел перед собой энергичную, целеустремленную, сильную личность. Царь Петр, кажется, даже улыбался. «Я знал, что искусство всеисильно, красота пленительна, но чтобы настолько...» В городе звучит едва уловимая музыка, четкий ритм прослеживается во всей жизни.

И майской ночью в белом дыме,
 И в завыванье зимних выюг,
 Ты всех прекрасней, несравненной,
 Блистательный Санкт-Петербург.

Затем Евгений заглянул в Александровский парк; прохода по аллеям, он видел молодых, здоровых, красивых и веселых людей. Пожилые бабушки и дедушки сидели на скамейках, пока их внуки играли.

— Дяденька, а вас как зовут?
 — спросила маленькая симпатичная девочка. — Жения.

— А поиграй с нами, Жения! —

Около получаса он играл с четырехлетними детьми, и ему было так хорошо и весело, что он закончил игру с искренним сожалением. «Воистину, дети — цветы жизни» — подумал Евгений, подходя к Адмиралтейству.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
 Служа линейкою преемникам
 Петра,
 Он учит: красота не прихоть полюбуга,
 А хищный глазомер простого
 Отчужда.

Стега-то, глядя на это великолеpie, Евгений вдруг очень захотел написать стихи. Ведь как бы то ни было, окружающая среда невольно влияет на людей, подталкивая их к совершению разного рода поступков.

Однако вместо того, чтобы подобрать рифмы, Евгений вспомнил бессмертные строки Мандельштама:

Пам четырех стихий приязненно
 господство,
 Но создал пятаю свободный человек.
 Не отрицает ли пространства
 превосходство
 Сей целомудренно построенный
 ковчег.

«Да, ведь пятая стихия — это творчество, созидание... Ведь если бы не эти места, я наверняка так и писал бы жалкие статейки на заказ. А теперь, теперь я все изменю, сделаю все, что возможно, лишь бы быть свободным, независимым, благородным. Теперь я частенько вспоминаю Маяковского: «Одно я для меня мало» — как я его теперь понимаю.

Сердито ленятся капризные
 медузы,
 Как плуги брошены, сверкают
 якоря.
 И вот разорваны трех измерений узы
 И открываются всемирные моря.

Да, теперь для него открылось то, что он живет в уникальном городе. В городе, где сбываются мечты, в городе, хранящем удивительные пласты исторического и культурного наследия, в городе с потрясающей энергетикой, в городе, который может или возвыситься до небес, или опуститься на самое дно.

«Я понял для себя важнейшую вещь, друзья: нельзя относиться к городу только как к ровным, мощенным улицам, к музеям и театрам; нет, это нечто большее... Это настоящий живой организм, на который влияем мы, но и он влияет на нас. Город живет, дышит, любит, страдает, переживает, печалится, радуется вместе с нами. Город и горожане, Петербург и петербуржцы едины, неразделимы, они составляют одно целое. Вот почему я настаиваю на уважении этого живого существа, может быть, более мудрого, чем мы», — так начал Евгений свой первый серьезный рассказ.

А ведь он молодец, этот Евгений, не каждому под силу осознать это...